

ГЕРАКЛ

Перевёл с древнегреческого Вланес

АМФИТРИОН

Кому же не знаком жену деливший с Зевсом
Алкид Амфитрион, внук славного Персея,
в аргосских областях отцом Геракла ставший?
Он в этих Фивах жил, где воины, как злаки,
над полем поднялись. Из них Арес немногих 5
живыми сохранил, и полон Кадмов город
потомством их детей. Здесь и Креонт родился,
он Менекеев сын, потом на трон взошедший.
Креонт же стал отцом красавицы Мегары,
и весь кадмейский род пел свадебные гимны 10
под звуки нежных флейт, когда герой великий,
Геракл, её привёл в мои родные стены!
Покинул Фивы сын, где я живу привольно,
оставил тестя здесь, и тещу, и Мегару,
и в Аргосе благом, творении Циклопов, 15
остаться захотел (а я бежал оттуда,
когда своей рукой убил Электриона).
Чтоб оправдать меня и в милый край вернуться,
сын Эврисфею дал невероятный выкуп –
всех чудищ истребил, не то стрекалом Геры 20
толкаемый вперёд, не то своей судьбою.
Он много совершил деяний многотрудных
и, наконец, вошёл сквозь Тенарон отверстый
в Аидовы врата, чтоб к солнечному свету
с трёхтелым выйти псом, но больше не вернулся. 25
Когда-то я слышал кадмейское сказанье
про Лика одного, женатого на Дирке,
он в городе царил вот этом семивратном
ещё до двух царей, до братьев белоконных,
Зевесовых сынов, до Зефа с Амфионом. 30
Сын этого царя зовётся тоже Ликом,
но не кадмеец он, а выходец эвбейский.
Креонта он убил и захватил правленье,
напав на город наш, болевший мятежами.
Мы узами родства повязаны с Креонтом, 35
и, видно, нам грозит огромное несчастье!
Пока мой храбрый сын в подземных недрах бродит,
правитель новый, Лик, царящий тут жестоко,
Геракловых детей с его женой любимой
задумал истребить, и кровь очистить кровью, 40
да и меня убить (ему старик тщедушный
покоя не даёт). Боится он, что дети
за деда отомстят, как только возмужают!
Меня оставил сын присматривать за домом,
кормить его детей, пока в подземной бездне 45

он будет изнывать. Мы с матерью несчастной
 пытаемся сберечь наследников Геракла,
 сидим у алтаря спасительного Зевса,
 алтарь же водрузил мой сын высокородный,
 блистательно сломив нашествие минийцев. 50
 Лишённые всего, мы держим это место,
 без хлеба, без воды, и нам постелью служит
 лишь голая земля. Дворец наш опечатан,
 и мы сидим, сидим, не видя избавленья!
 Где скопище друзей? Одни нас побросали, 55
 другие же слабы, и нам помочь не могут.
 Ужасен бич судьбы! Да не придётся людям,
 которые ко мне хоть малость благосклонны,
 так ловко проверять своих друзей на верность!

МЕГАРА

Старик, повергший в прах тафийскую твердыню,
 ведя на славный бой кадмейские войска, 60
 мы, люди, ничего в делах богов не смыслим!
 Не знала я беды, живя с моим отцом,
 а он был и велик, и славен царской властью,
 так любящей крушить богатство городов 65
 безумствующим злом долгоразящих копий.
 Благословен детьми, отец меня вручил
 Гераклу твоему, и брак устроил громкий!
 Теперь же всё мертво, всё выброшено прочь,
 и мы с тобой, старик, сопроводим под землю 70
 Геракловых детей, которых под крылом,
 как ласковых птенцов, я сохранить пытаюсь!
 Они со всех сторон вопросы задают:
 «Эй, мамочка! Скажи! Куда ушёл наш папа?
 Он где? Когда придёт?» В наивности своей 75
 всё ждут и ждут отца. Я сказки сочиняю,
 пытаюсь их развлечь. Ворота заскрипят,
 а я уже дрожу, и дети прочь несутся
 любимому отцу колени обнимать!
 Ну что же ты, старик? Нашёл ты путь к спасенью? 80
 Я верю, что найдёшь! Надеюсь на тебя!
 Границу пересечь мы тайно не сумеем
 (там стражники стоят, они сильнее нас),
 друзья нас не спасут, на это нет надежды.
 О чём ты размышлял? Пожалуйста, скажи! 85
 Нам нужно убегать, иначе мы погибнем!

Ам. Ах, доченька моя! Совет в таких делах 88
 непросто предложить, не надрывая сердце! 89
 Давай помедлим тут. Мы немощны с тобой. 87

Мег. Ты мало ли страдал, что так привязан к жизни? 90
 Ам. Люблю я эту жизнь и светлый рой надежд!
 Мег. И я за жизнь, старик! Но что мечтать о тщетном!
 Ам. У нас один лишь путь – оттягивать беду!

Мег.	Пока меня совсем тоска не растерзает!	
Ам.	Ещё возможно, дочь, найдётся лёгкий путь из этой черноты, нас плотно обступившей! Ещё придёт мой сын, твой доблестный супруг! Ты духом соберись, останови рыданье напуганных детей, им сказку сочини, пускай и жалкий звук, но всё же утешенье! Бывает, иногда и беды устают, и ветер штормовой утрачивает силу, и счастье силачей не длится без конца, и новые дела спешат на смену старым. Отважный человек надеется всю жизнь, а трус боится зла, и тем себя же губит!	95 100 105
ХОР		
	К высокостенному дворцу, к тебе, измученный старик, иду я, посохом вода, и песню скорбную пою, как лебедь, старый и седой! Я – только голос, только тень, бродящая в полночных снах, но в дряхлом теле дух силён. Ах, дети! Дети без отца! Старик! И ты, бедняжка мать! Ты мужа стонами зовёшь из тьмы Аидовых домов!	110 115
	Не утомляй свои ступни, как жеребёнок под ярмом, на каменистый горный склон влекущий свой тяжёлый груз, гремя ободьями колёс! Вот пеплос мой, а вот ладонь! Держись, пока слабеет шаг! Старик, веди же старика, с которым вместе под копьём ты в ранней юности стоял и славу родины своей ни разу не покрыл стыдом!	120 125 128 127 130
	Поглядите, как сверкают эти детские глазища! На отца похожи дети! Несмотря на рок несчастный, красота их не померкла! Вместе с ними потеряешь ты союзников, Эллада, превеликих, превосходных!	135

Но вижу я теперь, что к этим славным стенам
уже подходит Лик, правитель государства!

ЛИК

Гераклову отцу, его жене почтенной 140
хочу задать вопрос. Хоть я всего лишь царь,
позвольте мне слегка потешить любопытство!
Как долго вам вольно толкаться на земле?
Чего ещё вам ждать? Какого избавленья?
Неужто их отец, лежащий в царстве тьмы, 145
на помощь прибежит? Как это недостойно,
со стоном и нытьём покинуть этот мир,
когда ты раструбил по всей земле Элладской,
что Зевс тебе помог быть мужем и отцом!
Эй, верная жена великого героя! 150
Ты разъясни-ка мне, в чём этот героизм?
Твой муж перерубил болотную гадюку?
Немею посетил и там не силой рук,
но силою силков со зверем расквитался?
Вот ваша похвала? И должен я теперь 155
не посылать на казнь Гераклово потомство?
Отец их знаменит не мужеством своим,
но травлею зверей! В других делах бессилён,
он левою рукой ни разу щит не брал,
копьём не бил врага, но лук, оружие трусов, 160
по всей земле таскал, скрываясь от беды!
Ни мужество, ни дух не испытаешь луком,
а вот попробуй встать под вражеским копьём,
взрыхляющим твой ряд кровавой бороздою!
Пойми меня, старик! Я не бесстыжий зверь! 165
Мной движет здравый смысл. Я погубил Креонта,
отца твоей жены, и трон ваш захватил.
Я вовсе не хочу себе готовить кару
и в собственной стране выкармливать врагов!
Ам. Кровь Зевсову, Геракл, пусть Зевс и защищает, 170
но я хочу, мой сын, словами доказать,
что этот человек совсем тебя не понял,
и срезать на корню всю эту клевету!
С отвратного начну (по-моему, отвратно
и нагло утверждать, что ты труслив, Геракл)! 175
Вступлюсь я за тебя! Свидетели мне боги!
Зову я Зевсов гром, зову я четверню,
которой правил Зевс и молнией крылатой
бока детей Земли, Гигантов, прожигал,
а после славный пир для всех богов устроил! 180
Кентавров бунтовской, четвероногий род
в Фолое посети, ты, худший из тиранов,
и там задай вопрос, кто в мире всех смелей!
Не сын ли это мой? А ты так не считаешь?
Ты Абантидов край, ты Дирфия проси 185

тебе воспеть хвалу! И что в ответ услышишь?
 Деянием каким прославил ты свой дом?
 Ты лук и племя стрел, мудрейшее творенье,
 дерзаешь упрекать? Я дам тебе ума!
 Боец в своём ряду зависит от оружия 190
 всецело, словно раб. Едва прорвётся строй, 193
 боец длиной копья отъединён от смерти, 194
 и если рядом с ним стоят не храбрецы, 191
 то он теряет жизнь за чьё-то малодушие. 192
 А кто в своей руке сжимает меткий лук, 195
 тому вольней всего. Лавину стрел пуская,
 он воинством друзей от смерти ограждён.
 Стоит он далеко и бьёт врагов, глядящих
 внимательно вокруг, невидимой стрелой.
 Не должен он идти опасности навстречу, 200
 он цел и невредим. Подобный путь в бою
 разумней всех других – разить врагов нещадно,
 себя же не держать на якоре судьбы!
 Как видишь, мы с тобой не сходимся во мненьях,
 и этот вечный спор нельзя нам разрешить. 205
 Ты про детей скажи. Зачем ты губишь бедных?
 Что сделали они? Ты мудрый только в том,
 что, сам ничтожный трус, пугаешься потомства
 достойнейших людей! Но как нам тяжело
 быть слабостью твоей приговорённым к смерти! 210
 Из наших, лучших рук ты получил бы смерть,
 когда бы Зевсов ум к нам был посправедливей!
 Но если царский жезл ты хочешь удержать,
 то выгони нас прочь, изгнанниками сделай!
 Ты зла не причиняй, чтоб жертвой зла не стать, 215
 когда верховный бог тебе изменит ветер!
 Ну вот...
 Кадмейская земля, и ты теперь прими
 тяжёлые слова, обидные пощёлки!
 Ты так вот защитишь Геракла и детей?
 А ведь герой, один, пошёл на всех минийцев 220
 и очи наших Фив свободой озарил!
 Не стану я молчать и про позор Эллады,
 не вышедшей на бой за сына моего
 и маленьких птенцов огнём, копьём, секирой
 не ставшей отбивать, чтоб сыну заплатить 225
 за чистоту морей, за процветанье суши!
 Ни Фивы, малыши, не смогут вам помочь,
 ни эллинская рать! А я вам друг ничтожный,
 я только шорох слов, слетевших с языка!
 Нет сил уже во мне, какие прежде были, 230
 а тело от годов немеет и дрожит!
 Вернуть бы юность лет, копьё бы взять покрепче
 и этот лён кудрей трусливого врага
 залить бы багрецом, и пусть бежит подонок

	на самый край земли, хоть до Атласских гор!	235
Хор	Хороший человек всегда умом блистает, хотя его слова и льются не спеша!	
Лик	Давай, хлещи меня высокомерной речью, о дерзости своей ты горько пожалеешь! Рабы, на Геликон! К расщелинам Парнаса!	240
	Там лесу нарубить велите дровосекам, и пусть они дрова несут сюда, на площадь, вы ими, как стеной, алтарь огородите и подожгите их, спалите всех мерзавцев, и пусть они поймут, что этим государством владеет не мертвец, но я, живой правитель!	245
	А ты, совсем седой, со мною несогласный рой злобных стариков, ты не детей Геракла оплакивать начнёшь, но собственную долю и свой родной очаг! Вам нужно крепко помнить, что вы мои рабы, а я ваш повелитель!	250
Хор	О, тучный злак земли! Живой посев Ареса, лишившего зубов свирепый зев драконий! Ты посохи воздень, опоры правых дланей, исторгни алый дождь из головы злодея, подонка, подлеца, и даже не кадмейца, пришедшего сюда, чтоб нашим царством править! Но радости тебе от уз моих не будет, и ты не отберёшь плоды моих стараний! Пошёл отсюда прочь! В своей стране бесчинствуй!	255
	Пока я сам дышу, я тронуть не позволю Геракловых детей! Герой ушёл под землю не так уж глубоко, чтоб к детям не вернуться! Ты этою страной губительно владеешь, а тот не получил заслуженной награды!	260
	Не много ль на себя беру я, помогая безвыходным делам утраченного друга? О, правая рука! Копья, копия ты просишь, но слабостью своей желанье битвы губишь!	265
	Я вырвал бы язык, меня рабом назвавший, вернул бы прежний блеск моим любимым Фивам, где ты, злодей, цветёшь! Но город наш глупеет, болея мятежом и скверным помышленьем, иначе он царём тебя бы не поставил!	270
Мег.	Спасибо, старики! Воспламеняться гневом в обиде за друзей пристало добрым людям, однако, ради нас кидаясь на тиранов, не претерпите зла! Амфитрион, послушай! Возможно, некий вес в моих словах найдётся.	275
	Да, я люблю детей! Неужто это странно, ведь я их родила, кормила, поднимала! Да, мне ужасна смерть! Но я глупцом считаю того, кто норовит сломить необходимость! Раз нужно умереть, хотя бы не позволим,	280

	чтоб нас терзал огонь, на смех врагам жестоким,	285
	по мне, такое зло гораздо хуже смерти!	
	В немеренном долгу мы перед нашим родом,	
	и вспомни, ты ведь был достойным ратоборцем,	
	тебе никак нельзя погибнуть смертью труса!	
	Супругу моему свидетелей не нужно,	290
	герой всегда велик, и он бы отказался	
	спасти своих детей ценою их бесчестья –	
	родителям позор, когда детей позорят!	
	Я тоже не уйду от подражанья мужу,	
	и вот что заявлю про все твои надежды.	295
	Ты думаешь, твой сын из-под земли вернётся?	
	Кого же ты встречал, кто вышел из Аида?	
	И этого скота смягчишь ли ты словами?	
	Нисколько! Все бегут от бешеных злодеев,	
	сдаются мудрецам, великодушным людям,	300
	с которыми скорей согласия достигнешь!	
	Я думала о том, как нашим бедным детям	
	изгнание испросить, но ведь и это плохо –	
	мытарства нищеты к спасению прибавить!	
	Недаром говорят, что на гостей-скитальцев	305
	хозяева лишь день взирают благосклонно.	
	Умри же с нами, друг! Мы смерти не избежем!	
	Старик, я к твоему взываю благородству!	
	Противиться судьбе, ниспосланной богами –	
	геройство, спору нет, но также и безумство!	310
	Того, что суждено, усилием не изменишь!	
Хор	Когда бы мощью рук владел я, как бывало,	
	легко бы я пресёк бесчинства лиходея,	
	но я теперь ничто! Поэтому ты должен	
	пробить, Амфитрион, стальную стену рока!	315
Ам.	Не слабая душа, не страсть к унылой жизни	
	мешает мне уйти, но я потомство сына	
	желаю защитить, хоть это невозможно!	
	Ну что же, посмотри! Вот меч, а вот и горло!	
	Руби, кромсай меня! Швыряй меня с утёса!	320
	Тебя прошу я, царь, лишь об одной услуге,	
	нас первыми убей! Нам с матерью несчастной	
	не надобно смотреть, как дети погибают	
	от нечестивых рук, зовя и мать, и деда	
	уже в последний раз! А там твори, что хочешь!	325
	У нас не хватит сил сопротивляться смерти!	
Мег.	И я тебя молю добро добром упрочить	
	и милостью двойной уважить нас обоих,	
	позволь мне на детей надеть одежды мёртвых,	
	войдя в родимый дом, откуда нас изгнали,	330
	ты малых не лишай хоть этого наследства!	
Лик	Не буду. Эй, рабы! Откройте двери дома!	
	Иди, одень детей! Мне пеплосов не жалко!	
	Украсьтесь для того, чтоб я пришёл обратно	

Мег.	и вас одной толпой отправил в царство мёртвых! Ступайте, сыновья, за матерью несчастной в дом вашего отца, где всё добро, все вещи другим принадлежат, а вам одно названье!	335
Ам.	О Зевс, тогда мы зря супругу поделили! Напрасно мы с тобой хвалились общим сыном! Ты друг нам не такой, каким считался раньше! Ты величайший бог, но доблестью я выше! Геракловых детей предать я не посмел бы! Ты к смертному в постель прокрался неприметно, с чужой женой возлѣг без разрешенья мужа, но вот, спасти друзей ты явно неспособен! Невежественен ты. А, может, беззаконен.	340 345
Хор	Вслед за светлыми песнями Феб играет печальные на кифаре изысканной плектром – стонущим золотом, но под землю ушедшего к мёртвым, тьмою окутанным, сына то ли Зевесова, то ли Амфитрионова я венцом красноречия увенчаю торжественно. Благородные подвиги – украшенье посмертное.	350 355
	Он из рожи Зевесовой льва убрал кровожадного, и под пастью зияющей шкуры, на спину брошенной, спрятал светлые волосы.	360
	Он кентавров разнузданных, племя горное, дикое, смял крылатыми стрелами, лук сгибающий убийственный. То Пеней, плавно льющийся, ясно видел, и пажити с урожаем растоптанным, и луга пелионские под Гомолой пещеристой, где кентавры Фессалию, отягчив руки соснами, разорить вознамерились.	365 370
	Он и лань златорогую, пестроспинную, сильную, поселян обеднявшую, изловил в честь охотницы и энойской владычицы.	375

В колеснице бряцающей 380
обуздал он прожорливых
лошадей Диомедовых,
рвавших мясо дрожащее
в яслях, кровью забрызганных,
наслаждавшихся радостно 385
грудой тел человеческих.
Пересёк он и Гебровы
берега среброструйные
для тирана микенского.

Под горой Пелионскою,
у анаврских источников 390
Кикна-гостегубителя
уничтожил он стрелами,
дикаря амфанейского.

К девам, сладким напевами,
в сад пробрался он западный, 395
там плоды золотистые
с пышных яблонь он стряхивал,
змея огненноспинного,
обвивавшего яблони,
уничтожив безжалостно.
И пучину солёную 400
сделал тише, спокойнее
для гребцов многоопытных.

Он упёрся ладонями
сердцевину небесную,
дом Атлантов, и доблестно 405
звёздный град небожителей
крепким телом поддерживал.

К отрядам конных амазонок,
живущих возле Меотиды,
полноприбойной, многорекой, 410
он прибыл по волнам эвксинским,
друзей собрав со всей Эллады,
чтоб у воинственной царицы
отнять золототканый пояс,
так много гибели принёсший! 415
Взяла у варварки суровой
Эллада славную добычу,
и вот, хранит её в Микенах!

Он тело гидры многоглавой,
свирепой хищницы лернейской, 420
спалил огнём до горстки пепла.
Он ядом гидры смазал стрелы,

от них же этот мир покинул
пастух трёхтельный, эрифийский.

Он победил во многих битвах, 425
и, наконец, отплыл ко входу
в Аид, сочащийся слезами,
где жизнь утратит он, страдалец,
и больше к свету не вернётся!
В родимом доме нет ни друга, 430
а всех детей весло Харона
умчит от жизни безвозвратно,
и незаконно, и безбожно!
Твой дом тебя зовёт напрасно,
ты отошёл, пропал навеки! 435

Ах, был бы я могучим, юным,
стоял бы я с копьём упругим
в отряде сверстников кадмейских!
Я за детей бы заступился –
но я теперь утратил силы, 440
лишился юности счастливой!

Посмотрите, как молча выходят
облачённые в саван
дети славного прежде Геракла!
Их выводит супруга героя, 445
заставляя идти рядом с нею!
Там и старый родитель Геракла!
Как ужасно всё это!
Невозможно мне сдерживать слёзы,
затопившие дряхлые веки! 450

Мег.

Ну что же... Кто тут жрец? Кто тут несчастных режет?
Кто душу от меня отъединит кинжалом?
Вот! Жертвы собрались, готовые к Аиду!
Мы плохо впряжены в повозку нашей смерти!
Здесь дети, старики, здесь матери! Смотрите! 455
Безжалостна судьба ко мне и этим детям,
которых я теперь в последний раз увижу!
Для наглости врагов я, видно, вас рожала,
для подлого ножа, и гнева, и злорадства!
Как тошно мне...
Рассыпались, ушли прекрасные надежды, 460
с губ вашего отца подхваченные мною!
Тебе, мой старший сын, он завещал бы Аргос,
а ты бы управлял всем домом Эврисфея,
в Пеласгии царил, прекрасной, плодородной!
Он голову твою покрыл бы львиной шкурой, 465
которую он сам своим доспехом сделал!
А ты бы стал царём в прекрасноконных Фивах,

	обрёл бы навсегда мои родные земли, ты сам их у отца выпрашивал так часто!	
	И палицу свою тебе влагал он в руку, победу ремесла, обманчивый подарок!	470
	Тебе он обещал Эхалию в наследство, смирённую навек дальнеразящим луком!	
	Вас трое у него, и трижды к царской власти вознёс бы вас отец, чтоб крепла ваша доблесть!	475
	А я бы вам невест искусно выбирала, готовя вам родство с Афинским государством, со Спартой, с царством Фив, чтоб вы стояли прочно, укрытые от бурь, на кормовых канатах!	
	Всё кончено теперь! Судьба перевернулась, вы женитесь теперь на кровожадных Керах, омытые к венцу вот этими слезами!	480
	Дед пиршеством почитит печальную женитьбу и тестем назовёт угрюмого Аида!	
	Ужасно это всё! Кого обнять мне первым, кого из вас почитать последним поцелуем, кого к себе прижать? Я выпью ваши слёзы, как шумная пчела на златобурых крыльях, и, выпив, изолью одним сплошным потоком!	485
	Любимый мой Геракл! Едва ли смертный голос в Аиде зазвучит, но я к тебе взываю!	490
	Отец твой обречён! И сыновья погибнут! И я, кому ты дал блаженство в мире смертных!	
	Приди! Спаси нас, муж! Явись хотя бы тенью! К нам призраком примчись! И этого довольно, чтоб хищников спугнуть, ползущих к нашим детям!	495
Ам.	Ты женщина, ступай, готовься к погребенью, а я тут постою, воздену к небу руки, молясь тебе, о Зевс, чтоб ты об этих детях заботу проявил, пока ещё не поздно!	500
	Я часто звал тебя. Напрасное старанье! Мне кажется, что смерть уже неотвратима! Эй, старые друзья! Как мало этой жизни!	
	Старайтесь проводить всё время в наслажденьях, пускай и день, и ночь проходят беспечально!	505
	На рой людских надежд совсем не смотрит время, но улетает прочь своим путём бесследным. Взгляните на меня! Я был таким известным, прославленным бойцом! Всё отнято судьбою, всё за день унеслось, как пёрышко по небу!	510
	Не знал я никого, кто был всегда доволен, и счастлив, и велик. Соратники, прощайте! Вы друга своего в последний раз видали!	
Мег.	А!	
	Кто там идёт, старик? Мой муж? Мой драгоценный?	
Ам.	Не знаю, дочь моя! Все мысли разбежались!	515
Мег.	А как же говорят, что он ушёл под землю?	

Быть может, это тень, поднявшаяся к солнцу?
Мне жутко! Что сказать? Что это за виденье?
Кто это? Только он! Старик! Твой сын вернулся!
Хватайтесь, малыши, за край плаща отца! 520
Быстрее, сыновья! Вы плащ не отпускайте!
Спаситель вам отец! Лишь он, помимо Зевса!

ГЕРАКЛ

Ну, здравствуй, милый дом! Привет, врата родные!
Как рад я видеть вас и этот белый свет!
Что это? Не пойму! Все дети у порога, 525
все в саванах стоят, на каждом по венку,
вокруг толпа людей, в толпе моя супруга,
рыдающий отец... А что произошло?
Давай-ка подойду и всё у них узнаю.
Жена, что тут стряслось? Что в доме за беда? 530
Мег. О, лучший из людей! <Ам.> О, свет очей отцовых!
<Мег.> Ты вовремя пришёл спасти родных от смерти!
Гер. О чём ты? Что с тобой? Вы что, отец, кричите?
Мег. Конец приходит нам! А ты, старик, не сетуй
на то, что за тебя ответить я посмела! 535
Возможно, женский пол острее мужчин страдает,
а смерть моих детей и мне готовит гибель!
Гер. Блаженный Аполлон! Что это за вступленье!
Мег. И мой старик-отец, и братья – все погибли!
Гер. Мой тесть? Как он погиб? Какой судьбой повержен? 540
Мег. Правитель новый, Лик, страдальца уничтожил!
Гер. Они сошлись в бою? Всё царство заболело?
Мег. Болеет мятежом град Кадмов семивратный!
Гер. А вам со стариком зачем дрожать от страха?
Мег. Злодей убьёт меня, и мальчиков, и деда! 545
Гер. Да что ты говоришь! Он что, сирот боится?
Мег. Не хочет он платить за кровь царя Креонта!
Гер. Зачем же на детей ты саваны надела?
Мег. Уже мы облеклись в посмертные наряды!
Гер. Ведут вас убивать? Какой же я несчастный! 550
Мег. Нас предали друзья! Нам ввали, что ты умер!
Гер. Откуда же пришла такая злая новость?
Мег. Её нам принесли посланцы Эврисфея!
Гер. Вы бросили мой дом? И мой очаг? Зачем же?
Мег. Нас вынудил тиран! Столкнул отца с постели! 555
Гер. Не совестно ему так старшего бесчестить?
Мег. Что? Совесть? Он совсем с богиней той не близок!
Гер. А у меня друзей тут вовсе не осталось?
Мег. Какие там друзья, когда приходит горе!
Гер. Им, значит, наплевать, что я сразил минийцев? 560
Мег. Я говорю тебе, с несчастными не дружат!
Гер. Срывайте же венки! Забудьте пир Аидов!
Глазами пейте свет! И вместо тьмы подземной
вбирайте всей душой чудесный дар спасенья!

	Иду я выполнять ещё одну работу,	565
	сперва я развалю дом выскочки-тирана,	
	и голову снесу бесстыжему злодею,	
	и тело брошу псам! Потом я тех кадмейцев,	
	что мне воздали злом за все благодеянья,	
	оружием смету, всегда победоносным,	570
	а прочих разорву потоком стрел пернатых,	
	наполню весь Исмен их нечестивой кровью,	
	и Дирки белый лик заплещет красной пеной!	
	Кому же помогать, как не жене любимой,	
	не детям, не отцу? Вы, подвиги, прощайте!	575
	Я зря вас выполнял, семьёй пренебрегая!	
	Я должен защитить моих детей от смерти,	
	от казни за отца! Что толку мне бороться	
	то с гидрой, то со львом, служа у Эврисфея,	
	а собственных детей, стоящих под кинжалом,	580
	оставить умирать? Могу ли я Гераклом,	
	бестрепетным бойцом, как прежде, называться?	
Хор	Ты правильно решил помочь и милым детям,	
	и старому отцу, и преданной супруге!	
Ам.	Ты по природе, сын, к друзьям великодушен,	585
	а к недругам суров! Но не спеш с расправой!	
Гер.	Где видишь ты, отец, избыточную спешку?	
Ам.	Здесь толпы бедняков, желающих богатства,	
	негодному царю союзниками стали,	590
	посеяли мятеж, и разорили город,	
	и стали помышлять о грабеже соседей,	
	имущество своё беспечно растранив!	
	Заметили тебя, как ты явился в город,	
	и могут заманить в смертельную засаду!	
Гер.	А я и не боюсь! Пускай весь мир глаза зрит!	595
	Но птицу я видал на месте несчастливом	
	и понял, что беда в моей семье случилась,	
	поэтому решил явиться неприметно.	
Ам.	Ты прав. Но помолись пред Гестией родимой,	600
	пускай отцовский дом твои глаза увидит!	
	Царь сам сюда придёт жену твою зарезать,	
	потомство истребить, да и со мной покончить.	
	Оставшись во дворце, ты всё легко уладишь	
	и душу сохранишь. Не нападай на город,	605
	покуда здесь, родной, не завершилось дело!	
Гер.	Я так и поступлю. Ты прав! Останусь дома!	
	Придя с таким трудом из мрачных недр Аида,	
	от Коры роковой, нельзя не поклониться	
	домашним божествам, не оказать им чести!	
Ам.	А ты и правда, сын, спускался в дом Аидов?	610
Гер.	Спускался. И привёл трёхглавое исчадьё.	
Ам.	Ты взял его в бою? Богиня подарила?	
Гер.	В бою. Мне повезло, что был я посвящённым.	
Ам.	И этот зверь сейчас в покоях Эврисфея?	

Гер.	В хтонийской роще он, в пределах Гермiony.	615
Ам.	Не знает Эврисфей, что ты поднялся к свету?	
Гер.	Не знает. Я решил сначала вас проведать.	
Ам.	А почему ты был так долго под землёю?	
Гер.	Отец, я вызволял Тесея из Аида!	
Ам.	И где твой друг теперь? Ушёл в родные земли?	620
Гер.	В Афины поспешил, ужасно рад спасенью.	
	Ну, дети, вы теперь с отцом домой идите!	
	Прибытие моё, конечно же, вам слаще	
	ухода моего. Вы с духом соберитесь,	
	не надо лить из глаз мерцающие струи!	625
	А ты, моя жена, дыши уже свободней,	
	довольно трепетать и теребить мой пеплос,	
	нет крыльев у меня, чтоб улететь из дома!	
	Гляди-ка!	
	Они ещё сильней хватаются за пеплос!	
	Я вижу, вы и впрямь стояли под кинжалом!	630
	Придётся их тащить, как судно тащит лодки,	
	скреплённые рядом! Я кровь мою не брошу!	
	Что там ни говори, в одном все люди схожи,	
	все любят чад своих, и властелины мира,	
	и кто не стал никем! Те нищи, те богаты,	635
	однако все равны своей любовью к детям!	
Хор	Как я любил быть молодым!	
	Как мне мерзка старость моя,	
	вот она жмёт, плющит виски,	
	словно скала Этны седой,	640
	чтобы в глазах свет задавить!	
	Ни на роскошь азийских стран	
	и богатства любых царей,	
	ни на грузный от злата дом	645
	я бы юность не променял!	
	Как прекрасно быть молодым	
	что в богатстве, что в нищете!	
	Как ты, старость, горька и зла!	
	Как тебя ненавижу я!	
	Потонула бы ты в морях,	650
	не вползая в дома людей,	
	рассекла бы крылом эфир	
	и носилась бы там всегда!	
	Если бы ум был у богов	655
	точно такой, как у людей,	
	то, посвятив душу добру,	
	мы бы могли юность вернуть.	
	Смерть испытав, мы бы взошли,	660
	устремившись к дневным лучам,	
	совершая пробег двойной,	
	а злодеям один лишь раз	

	<p>выпадал бы звериный век. Этим добрых людей от злых можно было бы отличить, как число путеводных звёзд различает в ночи моряк. Но границ меж добром и злом не поставили божества, оттого-то всю нашу жизнь лишь к богатству стремимся мы.</p>	665
	<p>Не прекращу Муз и Харит я называть родом одним, самым благим и дорогим! Я не в толпе жить бы хотел, но в содружестве высших душ! Я, старик, начинаю петь, Мнемосίνу будя стихом! О Геракле мой звучный гимн, о великих его делах! Дай мне, Бромий, своё вино! Семиструнная лира, пой под свистанье ливийских флейт! Буду вечно я танцевать в хороводе прекрасных Муз!</p>	675
	<p>Девы идут в радостный храм, гимном будя Делос родной, славя живым танцем своим сына Летó, гордость богов! В этом храме и я спою, старый лебедь, седой певец, напрягая мой дряблый рот! Лучший повод у нас теперь исполнять превосходный гимн! Высшей доблестью Зевсов сын даже племя богов затмил и трудами своими спас жизнь людей от свирепых бурь, всех чудовищ искоренив!</p>	680
	<p>Девы идут в радостный храм, гимном будя Делос родной, славя живым танцем своим сына Летó, гордость богов! В этом храме и я спою, старый лебедь, седой певец, напрягая мой дряблый рот! Лучший повод у нас теперь исполнять превосходный гимн! Высшей доблестью Зевсов сын даже племя богов затмил и трудами своими спас жизнь людей от свирепых бурь, всех чудовищ искоренив!</p>	685
	<p>Девы идут в радостный храм, гимном будя Делос родной, славя живым танцем своим сына Летó, гордость богов! В этом храме и я спою, старый лебедь, седой певец, напрягая мой дряблый рот! Лучший повод у нас теперь исполнять превосходный гимн! Высшей доблестью Зевсов сын даже племя богов затмил и трудами своими спас жизнь людей от свирепых бурь, всех чудовищ искоренив!</p>	690
	<p>Девы идут в радостный храм, гимном будя Делос родной, славя живым танцем своим сына Летó, гордость богов! В этом храме и я спою, старый лебедь, седой певец, напрягая мой дряблый рот! Лучший повод у нас теперь исполнять превосходный гимн! Высшей доблестью Зевсов сын даже племя богов затмил и трудами своими спас жизнь людей от свирепых бурь, всех чудовищ искоренив!</p>	695
Лик	<p>Эй ты, Амфитрион! Всё, хватит! Выходите! Я ждать уже устал! Довольно умащаться и украшать себя нарядом погребальным! Зови сюда детей! Зови жену Геракла! Пусть выйдут на порог и смертью добровольной, как было решено, закончат наше дело!</p>	700
Ам.	<p>Суров ты, господин! Ты сильно унижаешь и топчешь старика, утратившего сына! Ты медленно спешу, пускай ты и правитель! Я должен умереть, как ты повелеваешь,</p>	705
	<p>Суров ты, господин! Ты сильно унижаешь и топчешь старика, утратившего сына! Ты медленно спешу, пускай ты и правитель! Я должен умереть, как ты повелеваешь,</p>	710

	и, значит, я умру! Приказ твой непреложен!	
Лик	Мегара, где она? И где внучки Алкмены?	
Ам.	Насколько мне видать с высокого порога...	
Лик	О чём ты говоришь? Чего ты там увидел?	
Ам.	...вдова теперь сидит у Гестии священной...	715
Лик	Моля спасти ей жизнь, хоть это невозможно?	
Ам.	Бесцельные слова к погибшему супругу!	
Лик	Которого там нет и никогда не будет!	
Ам.	Возможно, некий бог вернёт ему дыханье...	
Лик	Давай! Иди за ней! Веди вдову из дома!	720
Ам.	Я сделаться боюсь участником убийства!	
Лик	Ну что же! Раз тебя так сильно гложет совесть, я сам туда пойду и мать с детьми доставлю! Я, видишь, не дрожу! Вперёд! За мною, слуги! Закончим долгий труд! Порадуемся вместе!	725
Ам.	Иди, злодей, трудись... А там тебе помогут работу завершить. За зло ты зло получишь, вот этого и жди! Да, старцы! Посмотрите, как бодро он спешит к засаде меченосной, к раскинутым сетям! Как жаждет нашей смерти прегадкий человек! За ним и я отправлюсь, хочу я посмотреть, как он падёт на землю! Приятна смерть врага, несущего расплату!	730
Хор	– Изменчиво зло! Недавний тиран шагнёт насовсем в Аидову пасть! Да-да! Ему не уйти от кары богов!	735
	– Ты будешь, наконец, расплачиваться жизнью за травлю тех людей, которых ты не стоишь!	740
	– Как слёзы текут из радостных глаз! Вернулся герой!	
	А я ведь о том и думать не смел!	745
	Царь нашей земли! – Пойдёмте, старики! Посмотрим, как мерзавец погибнет во дворце по моему желанью!	
Лик	<i>(изнутри дома)</i> Ах, боже мой!	750
Хор	– Как песня его под сводом дворца ласкает мне слух! Попался злодей! Тот крик уже предвестил убийство царя!	
Лик	<i>(изнутри дома)</i>	
	О, Кадмова земля! Как я коварно гибну!	
Хор	– И гибнешь поделом! Ты многим смерть готовил! Давай же, потерпи достойное возмездье! – Но кто, как не ты, так подло чернил блаженных богов и злой клеветой посмел оскорблять	755

их высшую власть?
– Нет больше, старики, безбожного злодея! 760
Всё тихо во дворце! Давайте же попляшем!
Спаслись мои друзья по моему желанью!
Танцуй, танцуй!
Пой на пирах, священный град!
Празднуй, ликуй, фиванский люд!
Уже прошло время для слёз! 765
Уже прошло время для бед!
<Горестный стон> сменила песнь!
Погиб тиран, и прежний царь взошёл на трон,
покинув ночь, и топкий плёс, и Ахеронт! 770
Явился царь, когда никто уже не ждал!

Богам, богам
виден разрыв меж двух сердец –
падшим во зло и чтущим свет!
Богатство, блеск, бранный успех
топят во тьме разум людской, 775
тянут к нему тёмную власть!
Но человек не может знать своей судьбы!
Презрев закон, плодя вражду, он растрясёт
свой чёрный воз, в котором сам везёт успех! 780

Украшайся венком, Исмён!
Мостовые, пускайтесь в пляс,
веселя семивратный град!
Лента Дирки, узор лугов!
Асопиды, собранье нимф! 785
Исходите из волн отца,
пойте с нами! Услышь, Геракл,
как мы славим твой дивный бой!
Ты, лесистый пифийский кряж, 790
древний дом геликонских Муз!
Вы излейте весёлый крик
на мой город, на цепи стен,
за которыми проросла
меднощитная рать бойцов, 795
от неё же из рода в род
брызжет Фивам священный свет!

Славьтесь, родственники-мужья,
человек и верховный бог!
Знаем, внучка Персея вас 800
на постель свою приняла!
В этот странный рассказ, о Зевс,
я поверил уже давно,
показало и время нам, 805
как блистает Гераклов дух!
Встал герой из подземных недр,

покидая Плутонов дом!
Здесь наш царь! Он совсем не тот
низкородный, дрянной тиран, 810
только что показавший всем
в состязании на мечах,
благосклонно ли с высоты
смотрят боги на честный бой!

– Что это? Что? 815
Глядите, старики! От ужаса дрожите!
То призрак, разве нет? Парит над крышей дома!
– Бежим! Бежим!
Торопим дрыхлый шаг! Скорей! Уносим ноги!
– О, царь Пэан! 820
Спаси меня, прошу! Избавь меня от горя!

ИРИДА

Спокойно, старики! Со мной дочь Никты, Лисса!
Я вестница богов! Меня зовут Ирида!
Пришли мы навредить не городу, но дому
всего лишь одного прославленного мужа, 825
Зевесова птенца, рождённого Алкменой!
Пока он выполнял прегорькие задания,
сам рок щадил его, и Зевс бы не позволил
героя ущемить ни мне, ни даже Гере!
Но вот завершены приказы Эврисфея, 830
и Гера новый бич – кошмар детоубийства
готовит в этот час, и я согласна с нею!
Давай, сожми в комок своё сухое сердце,
дочь Никты смоляной, безбрачная богиня!
Безумие зови, желанье детской крови, 835
неукротимость ног, смятение рассудка!
Отвязывай скорей кровавую верёвку!
Пускай герой пошлёт по водам Ахеронта
венки из детских душ на почерневшей лодке,
пускай он ощутит ожесточенье Геры 840
и мой суровый гнев! Не покарав злодея,
мы умалим богов и возвеличим смертных!

ЛИССА

Была я рождена от крови благородной,
отец мой – сам Уран, а мать – благая Никта.
Особенный мой дар – не злобиться на ближних, 845
и я в дома друзей вступаю без охоты.
Я с Герой и тобой, пока ещё не поздно,
хочу поговорить. Послушайте, богини!
Вы просите меня напасть на человека,
который не никто ни на земле, ни в небе. 850
Нехоженым краям, пучине океанской
принёс он и покой, и богопочитанье,

	погибшее совсем под лапами злодеев! Я вас теперь прошу не истязать героя!	
Ир.	Ты не больно беспокойся о делах моих и Геры!	855
Лис.	Я хочу ваш путь направить не ко злу, но к примиренью!	
Ир.	Не для этих увещаний ты нужна супруге Зевса!	
Лис.	Гелиос! Ты всё запомни! Я пришла не добровольно! И, однако, если надо сослужить вам с Герой службу, я пойду! Ни бездна моря, ни стенающие волны, ни кошмар землетрясения, ни летучий пламень молний не сравнятся с нападением сил моих на грудь Геракла! Я разрушу крышу дома, разбросаю эти стены! На детей сначала кинусь, и убийца осознает, что сгубил своё потомство, лишь когда безумье схлынет! Вон трясёт он головою, как бегун, сигнала ждущий, водит страшными глазами, молчаливо, исступлённо, не смиряя вздохов шумных, словно бык в начале боя, и мычаньем Тартар будит, чтобы Керы с ним помчались, как с охотником собаки, на кровавую охоту!	859 861
	Скоро мы с тобой попляшем, насладимся страшной флейтой! Ты лети на пик Олимпа, благородная Ирида, ну а я теперь проникну в дом великого Геракла!	865 870 860 871
Хор	Ах, горе! Стенай! Сын Зевса сражён! Свет нашей страны! Цветок без корней! Эллада, горюй! Твой друг обречён погибнуть, пропасть под хохот судьбы, кружащейся в танце!	875
	Она летит на колеснице, и кричит, и ранит спины лошадей своим стрекалом кровожадным, Горгона, дочь Никты, в стозмейном, шипящем венце, ужасная Лисса с безумным, блистающим взором!	880
	Как быстро вам бог судьбу изменил! Как быстро детей погубит отец!	885
<Ам.>	<i>(изнутри дома)</i> Всё! Кончена жизнь!	
Хор	Ты видишь ли, Зевс? Бездетный твой сын безумием Пэн, коварных, чумных, низвергнется в скорбь!	
Ам.	А, бедный дворец!	
Хор	Поплыл хоровод, но Бромиев тирс не радует глаз, тимпаны молчат.	890
Ам.	А, бедный наш дом!	
Хор	Там кровь на земле, не сок из гроздей, которым почтён Дионис, наш бог!	
<Ам.>	Прочь, дети! Бежим! <Хор> Смертельную песнь, кровавую песнь играет свирель!	895

	Настигли детей! Как Лисса кричит! Недаром она вошла в эту дверь!	
<Ам.> Хор	А, горькая жизнь! Ай-ай! Бедный дед, бездольный старик! И бедная мать, родившая зря прекрасных детей! Гляди же! Гляди! Смерч крышу сорвал! И стены дрожат!	900
Ам.	Зевесова дочь! Паллада! Зачем тобою, как тот гигант Энкелад, весь дом помрачён?	905
ВЕСТНИК		
Вест.	Седые старики! <Хор> Зачем ты к нам взываешь? Там, в доме, сущий ад! <Хор> Не надо быть провидцем, чтоб это понимать!	910
Вест. <Вест.>	Убиты дети! Все! <Хор> Ай-ай! <Какое горе!> Стенайте! Нужен стон! <Хор> А! Страшная погибель от страшных рук отца!	915
Вест. Хор	Такой громады зла не выразить словами! Но как он беду, такую беду навлёк на детей? И как, расскажи, разрушен был дом по воле богов? И как на детей набросился рок?	920
Вест.	Животных привязав у алтаря Зевеса, мы очищали дом, Гераклом осквернённый, пока убитый царь лежал в пыли, за дверью. К нам дети подошли толпой весьма красивой, Мегара, и старик. Мы начали с корзинкой алтарь наш обходить в молчаньи богочтимом. Но с факелом в руке, уже в сосуд священный опущенном почти, великий сын Алкмены вдруг замер и затих. Недоумённо дети глядели на отца, уже совсем чужого. Безумные глаза вращались, пламенея, как алые шары, багряной сетью жилок, и с пышной бороды стекали капли пены. Тут он заговорил со смехом сумасшедшим: «Отец мой! Но зачем до казни Эврисфея священный жечь огонь? Зачем трудиться дважды? Одна моя рука закончит оба дела! Я голову снесу мерзавцу Эврисфею, тогда от всех убийств и буду очищаться! Всю воду вылить прочь! Корзинки на пол бросить! Кто лук мне принесёт? Кто палицу протянет? Микены, вот он я! Иду с кайлом и ломом! Я город разнесу железными крюками, который молотком и пурпурным отвесом	925 930 935 940 945

до самых облаков Циклопы возводили!»
Подпрыгнул он и встал, как будто в колеснице,
представив под собой качающийся кузов,
и принялся махать невидимым стрекалом
над головами слуг, а им смешно и страшно, 950
и шепчутся они, смотря в глаза друг другу:
«Нас дразнит господин? Он в здравом ли рассудке?»
А он туда-сюда по комнатам блуждает,
идёт в мужской покой и там кричит, что к Нису
приехал погостить, оттуда в зал заходит 955
и оседает вниз, как будто бы ложится
за пиршественный стол, но, тут же поднимаясь,
бормочет, что спешит к лесистым долам Истма,
потом срывает плащ, и, голый, начинает
бороться с пустотой, и бродит, возвещая 960
для самого себя прекрасную победу,
потом, вообразив, что прибыл он в Микены,
обильем грязных слов ругает Эврисфея.
Отец к нему бежит, плечо ему сжимает
и говорит: «Сынок! Что это за причуды? 965
Неужто духи жертв, убитых в этом доме,
свели тебя с ума?» Герой же, полагая,
что это Эврисфей взывает о пощаде,
толкает старика, тугой колчан хватает
и, думая казнить семейство Эврисфея, 970
разит своих детей! А те, трясясь от страха,
несутся кто куда: тот в пеплос материнский
пытается шмыгнуть, а тот под тень колонны,
другой под алтарём сжимается, как птенчик!
Рыдает мать: «Супруг! Зачем ты убиваешь 975
детей? Ты что творишь?» И дед кричит, и слуги!
А этот за сынком колонну огибает,
и, вывернув ступни в ужасном повороте,
встаёт лицом к лицу и бьёт стрелою в печень!
Ребёнок рухнул ниц, пятная кровью камни, 980
а наш боец вопит в неистовом восторге:
«Смотрите, как упал зверёныш Эврисфеев,
как платит он, щенок, за мерзости отцовы!»
И вновь берёт стрелу, и к алтарю несётся,
где следующий сын скрывается напрасно. 985
Встаёт перед отцом бедняжка на колени,
рукой то к бороде, то к шее прикасаясь:
«Ах, папочка родной! Не надо! Умоляю!
Не надо! Я твой сын! Лишь твой, не Эврисфея!»
А тот, определив своим горгоньим взглядом, 990
что для жестоких стрел не хватит расстоянья,
как истовый кузнец у жаркой наковальни,
вдруг палицу вознёс над златокудрым сыном
и лоб разбил в куски! Покончив с этой жертвой,
он хочет принести теперь уже и третью, 995

но стонущая мать кидается к ребёнку,
и тащит быстро в зал, и двери запирает!
Герой же, будто впрямь идя на град Циклопов,
сметает косяки, разламывает брусья
и меткою стрелой пронзает мать и сына! 1000
Потом на старика кентавром очумелым
бежит, но тут вошла, как всем нам показалось,
Паллада, при копье и в шлеме пышногривом,
и камень как метнёт, как стукнет в грудь Геракла,
и тот из бездны зла, из дикой жажды крови 1005
в беспмятство летит! Безумец рухнул на пол,
спиной толкая ствол колонны невысокой,
разбитой пополам, когда упала крыша.
Тогда уже, вздохнув, мы прекратили бегство, 1010
и помогли отцу кручёною верёвкой 1009
героя привязать к стоящей половине,
чтоб новую беду он к бедам не прибавил!
Теперь несчастный спит, и сны его несчастны,
убил он и жену, и всё своё потомство,
я в жизни не встречал подобного страдальца! 1015

Хор Кровавый кремён аргосской горы,
потрясший сердца элладских племён
виной Данаид!
Но ты превзошёл всё прошлое зло!
Ах, бедный ты наш! Зевесова кровь! 1020

Был Прокной убит единственный сын,
подарок для Муз! А ты породил
троих сыновей,
но сам же судьбе настичь их помог!
Ай-ай! Как стенать? Как слёзы пролить? 1025
Какую же песнь убитым пропеть?
И как танцевать у входа в Аид?
Ах, боже ты мой!

Смотри, вот ползут засовы ворот,
являя нам высь раскрашенных стен! 1030
А, что за тоска!

Смотри, вот лежат пред бедным отцом
тела сыновей в остывшей крови!
Как страшно теперь убийца уснул!
Опутана тьмой и пут, и узлов 1035
Гераклова мощь,
а тело его и мрамор колонн
в одно сведены верёвкой витой!

Но вот идёт старик, шатаясь и стеная,
как птица, по своим неоперённым деткам, 1040
разорванным в гнезде! Как это видеть горько!

Ам.	Кадмейцы, друзья! Оставьте его! Пускай он поспит, пускай улетит от страшной беды!	
Хор	Мне жалко, старик, тебя и детей!	1045
Ам.	Несчастный герой, светило побед! Не стойте вы тут! Не надо стучать! Не надо кричать! А то, не дай бог, прогоните сон, сковавший его!	1050
Хор	Тут кровь! Ам. Эй, молчать! Вы шумом своим убьёте меня!	
<Хор>	Кровь к небу кричит!	
<Ам.>	Ну разве нельзя потише стонать? Ну разве нельзя шептать, старики? Пробудится он! Верёвки порвёт! Весь город снесёт! Зарежет отца и царственный дом сравниет с землёй!	1055
Хор	Нельзя! Ой, нельзя!	
Ам.	Да дышит ли он? Я ухо рискну к нему приложить...	1060
Хор	Что, спит он? Ам. Да, спит! Сном гиблым, без сна, убив и жену, и милых детей под звон тетивы!	
Хор	Стенай же, мой друг! Ам. Стенаю! Скорблю!	
<Хор>	О смерти детей! Ам. Ах, боже ты мой!	1065
<Хор>	О сыне своём! <Ам.> Ай-ай! Что за боль!	
<Хор>	Терпи, старина! Ам. Эй, тише! Молчать! Он двинул рукой! Приходит в себя! Скорее бежать! Обрато! Домой!	1070
Хор	Спокойно, старик! На веках ещё колеблется ночь!	
Ам.	Гляди же! Гляди! Мне солнечный свет не жаль покидать в такой вот беде, но если мой сын убьёт и отца, то новое зло прибавит он злу и кровью родной сильнее разъярит Эриний ночных!	1075
Хор	Ты зря не погиб, когда для жены за братьев её к тафийцам ходил и пламенем жёг их город морской!	1080
Ам.	Бегите, друзья! Скорей во дворец! Проснулся мой сын и ярость его! Кровь кровью залив, он в бешеный пляс, как некий вакхант, град Кадма помчит!	1085
Хор	Ах, Зевс! Ты почему так злобно нападаешь на сына своего, и гонишь в море бедствий?	
Гер.	А! Я жив, и я дышу, и вижу всё, что нужно – и землю, и эфир, и брызги жёлтых стрел, но сердце всё бурлит, в уме одно смятенье. Какой-то был провал. Внутри я весь горю	1090

и выдыхаю жар, но будто не из лёгких.
Я скован, посмотри, как в гавани корабль!
Верёвки на руках, и к сломанной колонне
я плотно прислонён могучею спиной,
и груды мертвецов соседствует со мною,
разбросаны кругом и стрелы, и мой лук,
а ведь они всегда со мною находились
и берегли меня, и я их так берёг...
Наверное, пройдя по воле Эврисфея
Аидово нутро, я вновь попал в Аид?
Но где же камень тут, оставленный Сизифом?
И дочь Деметры где? И где Плутонов жезл?
Да что произошло? И кем я так уловлен?
Вы близко ли, друзья? Неужто далеко?
Кто может исцелить моё недоуменье?
Я не могу признать родимые места!
Ам. Ну что же, старики! Войти ли в бездну горя?
Хор И я с тобою, друг! Ты не пойдёшь один!
Гер. Что стонешь ты, отец? И что смыкаешь веки?
Боишься подойти к возлюбленному сыну?
Ам. Несчастный! И в беде ты всё-таки мой сын!
Гер. Со мной стряслась беда? Поэтому ты плачешь?
Ам. От дел твоих, сынок, и бог начнёт рыдать!
Гер. Ты пышно говоришь, но только непонятно!
Ам. А ты взгляни вокруг! Что, ум твой посветлел?
Гер. Нисколько. Помоги своим чудесным светом!
Ам. Забудь свой мрачный гнев, и я всё проясню.
Гер. Ой, как же заскребло под сердцем подозренье...
Ам. Я должен точно знать, что ты пришёл в себя.
Гер. А разве из себя куда-то выходил я?
Ам. Что делать, старики? Снять путы? Подождать?
Гер. Сними же! Вот позор! Ответь, кто это сделал?
Ам. Ты зло своё пойми! Забудь об остальном!
Гер. Но как же мне понять? По твоему молчанию?
Ам. Ты с трона Геры, Зевс, увидишь ли всех нас?
Гер. Оттуда, стало быть, дух злобы к нам нисходит?
Ам. Богиню ты оставь! Своей бедой займись!
Гер. Должно быть, я пропал! Ты скажешь мне такое...
Ам. Взгляни-ка на детей, лежащих на полу!
Гер. А! Деточки мои! Что вижу я, несчастный?
Ам. Ты, сын, убил детей в невоинской войне!
Гер. Ты что? В какой войне? Скажи, кто это сделал?
Ам. Ты сам, твой меткий лук и кто-то из богов!
Гер. О чём ты? Это я? Ответь, вещатель бедствий!
Ам. В безумие ты впал. Таков мой злой ответ!
Гер. Ну а моя жена? Убил жену я тоже?
Ам. Твоею лишь рукой всё было свершено!
Гер. Ай-ай! Меня здесь нет! Я в облаке стенаний!
Ам. Такой вот рок, мой сын! Я тоже слёзы лью!
Гер. И дом я развалил вот этими руками?

Ам. Уверен я в одном: ты весь покрыт бедой!
 Гер. Но бешенство когда в меня вонзило жало?
 Ам. Когда ты над огнём ладони очищал. 1145
 Гер. А! Что же я дрожу за собственную душу,
 когда я погубил моих детей любимых?
 Не прыгнуть ли теперь с высокого утёса?
 Не взять ли острый меч и не пронзить ли печень,
 и так себя казнить за сыновей убитых? 1150
 А, может, на костре проститься с гадкой жизнью,
 мне давшей испытать подобное бесчестье?
 Но вот идёт мешать желаньям этим смертным
 Тесей, мой верный друг и родственник бесценный!
 Я весь ему явлюсь, и грязь детоубийства 1155
 падёт и в ясный взор любимейшего друга!
 Что делать? Как мне быть? Куда бежать от бедствий?
 Как птицею мне стать? Как в землю закопаться?
 На голову мою наброшу чёрный пепелос
 и спрячусь от стыда, свершив такую мерзость! 1160
 Я кровью мертвецов, томимых жаждой мести,
 не стану осквернять безвинного героя!

ТЕСЕЙ

Пришёл я, старый друг, с афинскими бойцами,
 сидящими теперь у светлых струй Асопа,
 чтоб сыну твоему помочь в нелёгкой битве! 1165
 Молва дошла до нас, в оплот Эрехтеидов,
 что Лик тираном стал, и скипетром владеет,
 и поднимает меч на славное семейство!
 И я пришёл, старик, вознаградить Геракла
 за то, что он меня из царства мёртвых вывел, 1170
 вот крепкая рука, вот мощь союзных армий!
 Но почему весь пол усыпан мертвецами?
 Я, видно, не успел и слишком поздно прибыл
 узнать о новом зле! Кто мальчиков зарезал?
 А эта госпожа... Кому она супруга? 1175
 Подростков никогда сражаться пускают,
 поэтому, друзья, тут явно преступленье!
 Ам. <Владыка> холмов, плодящих оливы!
 Тес. Ты почему ко мне так жалобно взываешь?
 Ам. Огромное зло послали нам боги! 1180
 Тес. Чьи это сыновья? Ты из-за них рыдаешь?
 Ам. Им жизнь подарил мой сын злополучный,
 но вскоре их кровь бестрепетно пролил! 1184
 Тес. Ты что сказал? Но как? Ам. Отравой стрел свирепых,
 омоченных в крови стоглавой, дикой гидры! 1187
 Тес. Ужасные слова! Ам. Мы скрылись, испарились! 1186
 Тес. Не надо! Не глупи! Ам. Я рад бы подчиниться! 1185
 Тес. Месть Геры, старый друг! А кто там, возле мёртвых?
 Ам. То сын мой родной, страдалец несчастный, 1190
 помогший богам, как доблестный воин,

гигантов разбить в долинах флегрейских!
 Тес. О, небо! Кто живёт с такой судьбой ужасной? 1195
 Ам. Нигде нет людей,
 страдавших, как он, по свету блуждавших!
 Тес. А пеплосом зачем накрылся он, бедняга?
 Ам. Тебя он стыдится,
 любви твоей братской, 1200
 детей бездыханных!
 Тес. Я сострадать пришёл. Сними с него накидку!
 Ам. Сыночек родной, сними этот пеплос!
 Отбрось ты его, раскройся для солнца!
 Я вес моих слёз к твоим прибавляю, 1205
 твоей бороды и щёк я касаюсь,
 и рук, и колен! Как слёзы струятся
 из выцветших глаз! Мой сын горемычный, 1210
 ты гнев усмири безудержный, львиный!
 Оставь этот путь безбожный, кровавый!
 Не множь, дорогой, печалью печали!

Тес. Довольно! Я тебя, поникшего в страданиях,
 настойчиво прошу открыть лицо друзьям! 1215
 Нет мрака на земле, который тучей чёрной
 такую бездну зла сумел бы затянуть!
 Зачем ты мне рукой на трупы указуешь?
 Боишься ты меня общением осквернить?
 Могу я и хочу делить с тобою горе, 1220
 ведь счастье я делил! Не будем забывать,
 что ты меня на свет из царства мёртвых вывел!
 Противны мне друзья, в душе которых долг
 дряхлеет, как старик! Им хочется веселья,
 а плыть, когда штормит, не мило никому! 1225
 Вставай! Открой лицо, залитое слезами!
 В глаза мне посмотри! Достойный человек
 все происки богов достойно переносит!

Гер. А ты видал, Тесей, что сделал я с детьми?
 Тес. Услышал я рассказ, потом уже увидел. 1230
 Гер. А солнцу ты зачем открыл моё лицо?
 Тес. Зачем? Ты человек! Ты бога не испортишь!
 Гер. Несчастный, убегай! Во мне ужасный смрад!
 Тес. Заботливым друзьям дух мести не опасен.
 Гер. Я рад, что спас тебя! Спасибо, старина! 1235
 Тес. Я жалостью плачу за доброе деянье.
 Гер. Как жалок я! Смотри! Палач своих детей!
 Тес. Я плачу по тебе. Как всё переменилось!
 Гер. Ты знаешь ли кого, кто больше бы страдал?
 Тес. Страдания твои вздымаются до неба! 1240
 Гер. Поэтому, мой друг, погибнуть я готов!
 <Тес. Но разве эта смерть приятна будет небу?
 Гер. Предательский эфир! Достану я тебя!>
 Тес. Ты думаешь богов своей угрозой ранить?

Гер. Бог был со мной жесток, и я таков к богам!
 Тес. Ты лучше замолчи, а то ухудшишь дело!
 Гер. Мой трюм забит бедой, мне больше не вместить. 1245
 Тес. Но что ты совершишь? Куда свой гнев направишь?
 Гер. Умру, сойду во мрак, откуда и пришёл!
 Тес. Так может говорить лишь заурядный смертный!
 Гер. Тебе легко давать совет со стороны!
 Тес. И это ты, Геракл? Титан, свернувший горы? 1250
 Гер. Не много ль этих гор? Мученьям есть предел!
 Тес. Ты ль это? Друг людей? Спаситель всей вселенной?
 Гер. Что в этих людях мне? Здесь Гера держит верх!
 Тес. Так мелко умереть Эллада не позволит!
 Гер. Послушай ты меня, и я переломлю 1255
 все доводы твои! Я чётко растолкую,
 что жизнь моя – не жизнь! И раньше, и теперь!
 Виновен мой отец в поступке неприглядном,
 он деда моего по матери убил 1260
 и матери моей, Алкмене, стал супругом.
 Когда фундамент крив, то будет крив и дом,
 и не спастись тому, кто будет в нём рождаться.
 Сам Зевс мне стал отцом, кто б ни был этот Зевс,
 чем Геру разъярил. (Старик, не обижайся!
 Не Зевс, но только ты отец мой дорогой!) 1265
 Когда я был рождён и молоком питался,
 то Зевсова жена в кровать мне принесла
 жестокоглазых змей, чтоб я погиб от яда.
 Когда же я расцвёл и эту плоть надел,
 то так погряз в трудах, что, право, тошно вспомнить! 1270
 Бросались на меня безжалостные львы,
 Гиганты без числа, трёхтелые Тифоны,
 кентавров шумный рой, четвероногих, злых!
 Я встретился в бою и с гидрой многоглавой,
 растящей грозди шей, и много совершил 1275
 невыполнимых дел, и к призракам спускался,
 чтоб трёхголовый пёс, Аидов дикий страж,
 увидел этот свет желаньем Эврисфея!
 И вот последний труд! Убийство сыновей!
 Великолепье зла! Венец на крыше дома! 1280
 Я должен уходить, мне было б тяжело
 в любимых Фивах жить! Допустим, я останусь.
 В какой пойду я храм? На пир каких друзей?
 Там чёрные дела не вызовут приветствий!
 Мне в Аргос перейти? Но как же? Бросив дом? 1285
 А если я найду другое государство,
 и там начнут судить, глядеть исподтишка,
 язвить, шептать, судить и жалить горьким словом:
 «Не это ль Зевсов сын, убийвший и жену,
 и собственных детей? Пошёл бы он отсюда!» 1290
 Тому, кто знал успех, превратности судьбы
 мучительны вдвойне, но вечные страдальцы

особо не скорбят, им горе – дом родной.
Мне кажется, со мной такое вот случится:
вскричит сама земля и прикасаться к ней 1295
навек запретит, я не смогу ни моря,
ни рек пересекать, а буду лишь в цепях,
на быстром колесе, как Иксион, вращаться!
Мне лучше убежать от эллинских племён,
с которыми я жил, когда дышал привольней! 1300
К чему мне эта жизнь? Какая польза мне
в таком вот бытии, бессмысленном, преступном?
Пусть царица душ, Зевсова жена,
сапожками стуча, танцует на Олимпе!
Все козни удались! Мечты воплощены! 1305
Развален пьедестал! Первейший муж Эллады
упал, да в грязь лицом! И кто пойдёт во храм
к такой богине, а? Она, ревнуя Зевса,
с обычною женой постель не поделив,
карает храбрецов, Элладу защищавших! 1310

Хор
Тес.
Тебе всю эту боль принёс не кто иной,
как Зевсова жена! Ты верно догадался!
Поможет ли совет в несчастье таком?
Ни смертные, мой друг, от горя не свободны,
ни боги, если в том поэтам доверять. 1315
Как боги правят брак? Неужто по закону?
Захватывая власть, они своих отцов
стыдятся ли бросать в поганые оковы?
И вот, от их вины не падает Олимп!
Что скажешь, человек? Ты тем себя терзаешь, 1320
на что самим богам, как видишь, наплевать!
Закон ты признаёшь? Уйди со мной отсюда,
в Палладины края направимся из Фив!
Я там с тебя сотру густые пятна скверны,
с тобою и мой дом, и вещи разделю. 1325
Дары я получил от граждан за спасенье
четырнадцати душ от кносского быка,
я всё отдам тебе! К тому же я владею
наделами земли! Мы именем твоим
наделы назовём и тем тебя возвысим, 1330
пока ты не умрёшь! А спустишься в Аид,
тебя афинский град и жертвами прославит,
и памятник тебе из камня возведёт!
Заслужит мой народ хвалу по всей Элладе,
героя поддержав, спасителя людей! 1335
Я вот что дам тебе в награду за спасенье,
пока ты сам, герой, нуждаешься в друзьях!
Когда с тобою бог, то друг тебе не нужен,
даёт нам помощь бог, достаточную нам.
Несчастьем моему всё это не поможет. 1340
О чём тут говорить? Не верю я, что боги
развратом заняты, что можно их цепями

Гер.

сковать. Какая чушь! И как мне согласиться,
что боги рождены повелевать друг другом?
Когда бог точно бог, не может он нуждаться
ни в чём! И ты не верь поэтам бестолковым! 1345
Я начал понимать, что ежели я с горя
покину этот мир, то жалким трусом буду!
Тому, кто не стоит под бременем несчастий,
никак не устоять и под стрелою вражьей! 1350
Я выдержу всю боль! В твой город я поеду,
приму твои дары с признательностью крепкой!
Я столько зла вкусил! Я столько выпил горя!
Всё молча, не кривясь! Я ни одной слезою
глаза не увлажнил! Я даже и не думал, 1355
что и меня прорвёт потоками рыданий!
Мне стать рабом судьбы, наверное, придётся!
И пусть! Гляди, старик! Я шествую в изгнание!
Смотри же на меня, детей моих убийцу!
Ты их похорони, ты обряди покойных, 1360
слезу по ним пролей (закон мне воспрещает)!
Пускай они лежат в объятьях материнских,
в несчастнейшем родстве, убитые неволью
измученным отцом! А после погребенья
ты в городе живи. Тебе придётся тяжело, 1365
но с духом соберись, дели мои страданья!
О, дети! Вас убил ваш собственный родитель,
вам не было наград в моих делах отважных,
я столько гор свернул, чтоб именем отцовым
прославились и вы, чтоб наслаждались вечно! 1370
Страдалица, и ты такую вот награду
за верность и любовь от мужа получила,
за то, что столько лет мой дом оберегала!
Любимая жена! Прекраснейшие дети!
Какая всё же боль – навеки расставаться 1375
с женою и детьми! Как горько и как сладко
их лица целовать! Как тошно лук мой видеть!
Решить я не могу... Забрать его? Оставить?
Цепляясь за меня, он ведь наверно скажет:
«Ты мной убил детей! Ты мной убил супругу! 1380
Ты носишь на себе своих детей убийцу!»
Ну? Снять его с плеча? А что сказать при этом?
Что я бросаю лук, спасавший всю Элладу,
и от руки врагов ищу позорной смерти?
Нет! Надо взять его! И воевать им скорбно! 1385
Я лишь прошу, Тесей, пойти со мною в Аргос
и яростного пса помочь царю доставить,
а то я сам не свой от горя по любимым!
Кадмейская земля! И весь народ фиванский!
Оплачьте мертвецов! И волосы обрежьте! 1390
У каменных могил всех нас вы помяните,
и мёртвых, и меня, в словах одной молитвы,

ведь Гера унесла всех нас одним ударом!

Тес. Вставай, мой бедный друг! Наплакался ты вдоволь!

Гер. Я что-то не могу! Я грузный, словно камень! 1395

Тес. И лучших силачей судьба ниспровергает!

Гер. Как тяжело мне!
Хочу я камнем стать, не помнящим несчастий!

Тес. Ну всё! Давай ладонь помощнику и другу!

Гер. Моя ладонь в крови! Ты выпачкаешь пеплос!

Тес. Ты кровь сотри! Смелей! Я не отдерну пальцы! 1400

Гер. Утратив сыновей, в тебе нашёл я сына!

Тес. Я выведу тебя! Ты обхвати мне шею!

Гер. Упряжка двух друзей! Надёжного с несчастным!
Старик, ты посмотри! Ищи такого друга!

Ам. Да славится земля, в которой ты родился! 1405

Гер. Тесей, ты погоди! Дай к детям повернуться!

Тес. Зачем? Такую боль не снять лекарством взгляда!

Гер. Мне нужно посмотреть! Отца обнять мне нужно!

Ам. Я тут, мой бедный сын! Обнимемся скорее!

Тес. Ты разве позабыл, как плакал и метался? 1410

Гер. Нисколько! Тех минут вся жизнь не перевесит!

Тес. Себя ты не позорь, не жалуйся по-женски!

Гер. Ты думаешь, я слаб? Ты раньше так не думал!

Тес. Ты что-то не похож на славного Геракла!

Гер. А ты-то как стонал, когда сидел в Аиде? 1415

Тес. Всё правда, старина! Я был царём всех трусов!

Гер. Зачем же говорить, что горем я принижен?

Тес. Идём! Гер. Прощай, старик! Ам. Прощай, мой сын любимый!

Гер. Детей похорони! Ам. А кто меня схоронит?

Гер. Я сам, отец! Ам. Когда? Гер. Когда ты жизнь окончишь! 1420

Ам. Но как? Гер. Тебя из Фив доставлю я в Афины!
Детей ты в дом неси, земле принять их тяжело!
Позорно дом сгубив, я сам позорно сгублен!
Тесей меня ведёт, как лодку на буксире!
Кто преданных друзей оценивает ниже, 1425
чем золото и власть, тот явно сумасшедший!

Хор Мы уходим, стеная и плача!
Самых лучших друзей мы лишились!

7.04 – 21.10.2019, Брисбен, Флоренция, Иерусалим, Москва

Шлифовки текста: 12.10 – 23.10.2021; 3-5.06.2023; 30.07.2023; 07.02.2025, Брисбен